

необходимо соотношение этих компонентов с фразеологизмом, его образной основой. Акцентирующую функцию таких каламбуров поэтесса часто усиливает повтором однородных сочетаний, участвующих в создании каламбура. Например, стихотворение «Сводники» все основано на семантическом обыгрывании сочетаний, построенных на логической несовместимости своих компонентов. В их ряду и употреблены свободные сочетания, связанные всем своим значением с омонимичными фразеологизмами. Таковы сочетания *сводить козла с капустой* (ср. фразеологизм *пускать козла в огород*), *шиш — с маслом* (ср. *шиш с маслом*), *рану — с солью* (ср. *посыпать рану солью*): «Всех сводят сводники: козла с капустой, <...> шиш — с маслом, рану с солью».

Существенную часть богато представленного фразеологического состава стихотворных текстов А. Межирова (около 70%) составляют стилистически нейтральные устойчивые сочетания; реже обращается поэт к фразеологизмам, имеющим в современном языке сниженную, разговорно-просторечную окраску. Пути реализации отобранного поэтом фразеологического материала разнообразны.

Прежде всего — это прием замены одного из компонентов устойчивого сочетания, часто осложненный переключением его в необычную для традиционного применения сферу. Так, общеязыковые фразеологизмы *на долю* («кому-либо выпало, досталось что-нибудь») и *тертый калач* («об опытном, бывалом человеке») у Межирова приобретают форму *долей мечен* и *жизнью терт*, делающую прозрачной образную мотивировку исходной формы сочетаний: «А хозяин злой, как черт, / *долей мечен, жизнью терт*» (Хорошо, что из окна...). Эмоционально-экспрессивная нагрузка фразеологизмов в приведенном примере усиливается также их параллельным употреблением, их столкновением в одном определяющем личность героя ряду.

Тот же эффект оживления образной основы устойчивого сочетания на базе ситуативной реализации составных ее частей наблюдается в стих. «Вспоминание о пехоте», где сочетание *повергнуть к ногам* («кого, чьим») в значении «полностью подчинить чьей-либо воле, власти» приобретает форму *бросить к ногам Кремля*: «Я требую у противника/ безоговорочной /капитуляции,/ Чтобы его знамена/ *Бросить к ногам Кремля*». Не снижая значения фразеологизма в целом, поэт заменой глагольного компонента (*бросить* вместо общепринятого *повергнуть*) достигает обытовления, пластичности образа — действительное бросание знамен к «ногам Кремля» (Кремль здесь — символ государства).

Межиров обнажает образную основу общеязыковой фразеологии и путем контекстуального расширения ее пределов. Ср., например, *ставить точки над ии* («уточнять, не оставляя ничего недосказанным») и *ставить точки над десятиричным ии* (стих. «Перекинута Дорога»), *хлебнуть горя* («испытать много неприятного, тяжелого») и *крепкого горя немало хлебнуть посчастливилось мне* (стих. «Ленинградец»), *снимать стружку с кого-нибудь* («бранить, строго критиковать») и *снимай поглубже стружку* (стих. Alter ego).

Образное представление, лежащее в основе общеязыкового устойчивого сочетания, может стать у Межирова образным центром стихотворения, которое в этом случае все бывает построено на развертывании содержания фразеологизма. Так, стихотворение «От зноя и от пыли» построено на обыгрывании фразеологизма *в розовом свете* («идеализированно, лучше, чем есть на самом деле»), трансформированного в стихотворении в сочетание (мне) *жизнь видна розовой*, на чередовании прямого, буквального и символического употребления слова-образа — *розовый*.

К своеобразию индивидуально-авторского использования Межировым фразеологического материала языка относится создание поэтом окказиональных фразеологизмов, обычно по типу общеязыковых, присутствующих в этом же контексте. Так, по аналогии с общеязыковым фразеологиз-